

КОНСЕРВАТОР

Антон Красовский в моноэфире авторской программы «Антонимы»: «Поёт песню пожилая женщина Земфира Талгатовна Рамазанова. Вот он голос поколения. Для того, чтобы услышать этот голос поколения, необходимо пустить титры внизу. Я думаю, что у людей эпохи палеолита тоже было побольше слов, чем, чем у голоса поколения».

Зрители долго нас просили и мы сделали. Моноэфир программы «Антонимы» прошёл в формате общения со зрителями в прямом эфире. Антон Вячеславович Красовский с удовольствием ответит на все вопросы (а мы знаем, что их у вас много) и пообщался с подписчиками онлайн.

Поговорим о том как бывшие голоса поколения стали его эхом, почему Чулпан Хаматовой надо вернуться, о государственной идеологии, будущем России, съёмке фильма про Дениса Пушилина, платформе «Консерватор», возможности возвращения монархии, ходе СВО и о многом другом.

– Поёт песню пожилая женщина Земфира Талгатовна Рамазанова. Вот он голос поколения. Для того, чтобы услышать этот голос поколения, необходимо пустить титры внизу. Просто для того, чтобы поколение, к которому это обращение направлено, поняло смысл этого текста, а в тексте всего 56 слов. У Пушкина, если вы помните, словарный запас был 50 тысяч, а тут 56. Я думаю, что у людей эпохи палеолита тоже было побольше слов, чем, чем у голоса поколения.

– Это предательство уничтожило весь талант, уничтожило всё творчество. Не титруйте свои русские тексты. Русский язык не должен титроваться. Если русский человек вас не понимает. Если русский человек вас не слышит. Если русский человек не способен воспринять то, что вы говорите, никакие титры вам не помогут. Девчонки! Ой, господи, старушки, сидите у себя там на Риволи и на оставшиеся деньги покупайте свои чёрные шмотки и кокаин. Всего вам хорошего.

– Я монархист. Я считаю, что в России должна быть монархия. Это никак не связано с Владимиром Владимировичем Путиным. Это никак не связано с Конституцией. Я, возможно, озвучиваю какую-то неправильную точку зрения, но я встану на колени только перед русским государем. Я бы хотел увидеть и дожить до времени, когда русский государь вернётся.

– Мне кажется, что монархия для России могла бы стать связующим звеном и скрепой, между обществом и исполнительной властью, выбранной властью, между бывшими людьми из Советского Союза, между людьми из девяностых, между Европой и Азией. Мне бы хотелось, чтобы появился такой человек сейчас в России, который бы напомнил Европе, что Россия и есть Европа.

– Я хочу, чтобы в моей стране признали наконец существование русского народа. Чтобы в моей стране сказали, что русский народ – это основополагающий, государственно-образующий народ. Да, у нас есть куча народов. Мы империя: у нас есть якуты, у нас есть буряты, у нас есть чеченцы. Но тем народом, который объединил все эти народы, является народ русский. Я хочу, чтобы было сказано, что русский народ – это народ, основавший Россию, и я хочу, чтобы это было записано в Конституции.

– Россия как любая империя может предложить народу только одно – культуру. У нас есть культура, которой нет ни у кого. Европейская культура – это культура любви, не уничтожения как это было, например, в британской империи, не поглощения, не ассимиляции, не приоритета ценностей, ненасильственной христианизации, а дружественного сожительства, – это вот то, что может предложить Россия и то что Россия всегда предлагала. Именно поэтому Россия была великой империей.

– Британская империя уничтожена, австро-венгерская империя уничтожена, немецкая империя уничтожена, а российская империя в реальности есть. Она существует, не теплится, она горит, она требует, она взывает к каждому человеку и показывает каждому человеку из этого мира те достоинства, которые есть.

– Любой украинец понимает, что Пушкин – это не Шевченко, Ахматова, не какая-то Леся Украинка, потому что здесь великая культура и великая цивилизация. Потому что великая цивилизация бывает только в империи, и Украина была маленькой частью этой империи. И сейчас переделать это прошлое, доказать самим себе, что у нас есть какое-то самостоятельное, не имперское прошлое, не имперская культура не имперское сознание, невозможно.

– Ведь, на самом деле, главные имперцы – это украинцы. Это они думают по-имперски. Это они думают об империи, а мы думаем о том, чтобы бесконечное множество народов, которые так или иначе зависят от нас с вами, жили в достатке и покое, и это главная задача русского, которая длится уже много, много веков.

– Есть люди, например, как Чулпан Хаматова, которая никогда не была мне подругой, но я знаю, сколько Чулпан сделала добра для страны, и я знаю как мало она сделала зла сейчас. И, если взвешивать вот это добро и зло, я бы конечно, хотел, чтобы Чулпан вернулась и продолжала заниматься тем, чем она занималась: играть в театре и помогать детям, больным лейкемией.

– Я просыпаюсь с плохим настроением и я думаю, у плохое настроение отчего? Оттого, что не смогу поехать в Италию? Нет, мое плохое настроение от того, что мы не взяли Бахмут. У меня плохое настроение, потому что я не понимаю, почему мы до сих пор не наступаем. У меня плохое настроение, потому что я не понимаю, почему такая огромная страна до сих пор не может действительно, по-настоящему, устроить мотострелковую операцию. Я был там много раз и ребята спрашивают: «Почему же нам не отдают приказ?». И у меня нет на это на этот вопрос ответа.

Запись программы доступна в следующих социальных сетях платформы «Консерватор»:

VK: https://vk.com/conservator_tv

Telegram: https://t.me/conservator_tv

RuTube: <https://rutube.ru/channel/30288233/>

Дзен: https://dzen.ru/conservator_tv

ОК: <https://ok.ru/group/70000001814569>

Про голоса поколения, ставшие его эхом

Как-то пару недель назад Ксения Анатольевна Собчак, когда Земфиру Рамазанову признали иностранным агентом, возмутилась: «О, боже. О, боже! Иностранном агентом признали голос поколений». И вот мы видим это поколение. Озвучивает известную фразу Роскомнадзора пенсионерка, оформившая уже, кстати, себе свои 28 тысяч в собесе, Рената Литвинова. А поёт песню тоже уже пожилая женщина, моя ровесница Земфира Талгатовна Рамазанова. Вот он голос поколения. Для того, чтобы услышать этот голос поколения, необходимо пустить титры внизу, просто для того, чтобы поколение, к которому это обращение направлено, поняло смысл этого текста, а в тексте всего 56 слов. 56. У Пушкина, если вы помните, словарный запас был 50 тысяч, а тут 56. Я думаю, что у людей эпохи палеолита тоже было побольше слов, чем, чем у голоса поколения.

Вот он наш голос поколения, моего поколения, поколения московского долголетия. «Научись, сука, родину любить. Научись, сука, родину любить». И

это невозможно услышать, потому что Земфира очевидные проблемы с дикцией. Откуда взялись эти проблемы с дикцией, я не знаю. Возможно, и у Земфиры и у сладкоголосой нашей птицы юности Ренаты Муратовны Литвиновой уже проблемы с этой дикцией. И проблемы с пониманием того, что происходит здесь, в России. Ужас Земфиры, ужас Ренаты, в том, что это очень старомодные, грустные, испевшиеся и исписавшиеся, иснявшие старухи. Голос поколения Ксении Собчак – это старухи в грязных шляпах.

Я недавно разговаривал со своей подругой, которая по неизвестным неслучайности побывала на концерте Людмилы Петрушевской в одном из дальних городов Европы. Ну, где теперь ещё может гастролировать Петрушевская. Она пела свои песни. О, боже, вы не знали? Но у Петрушевской есть свои песни! Она ходит в огромной, размером с Подольский рынок, шляпе, сшитой где-то в том же самом Подольском ателье. И я подумал, что вот так же наверное, выглядело и благословляемое и прославляемое нашим с Ксенией Собчак, поколение тех людей, которые уехали когда-то после 1917 года в Европу.

Их ведь было две части. Одна очень богатая, это люди, которые все свои деньги вложили в Cr dit Lyonnais и смогли эти деньги оттуда достать. Они очень быстро ассимилировались они выдали своих сыновей, дочерей за французов, швейцарцев, немцев, англичан и довольно быстро перестали быть русскими. Другая часть – это вот эти странные, как тогда нам казалось, очень талантливые люди, которые гастролировали по барам.

И вот теперь мы видим, как Земфира Рамазанова, бывшая когда-то великой звездой, и что там говорить, я сам заслушивался диском, где были песни и «Ромашки» и «Странно, трамваи не ходят кругами» и «Не бери себе в голову. Земфира, не бери». И теперь я слышу это, я читаю этот текст и мне просто стыдно. Это стыдная музыка, стыдный артист и это стыдный дуэт. Вы бросили Россию, не потому что Россия бросила вас. Вы бросили Россию, потому что вы уже не соответствуете России. Вы больше не голос поколения. Точно так же, как и какая-то Ксения Собчак не голос поколения, потому что нет никакого поколения, а есть русские, которые остались со своей страной, а есть вот такусенькое количество людей, которые эту страну предало.

Это предательство уничтожило весь талант, уничтожило всё творчество. Нет, мы никогда не забудем: ни «У меня СПИД», ни «Прости меня, моя любовь», – это не забудем. Мы будем их петь, но мне страшно это сказать и, наверное, меня сейчас осудят, но, возможно, после того, что у вас было, лучше просто помолчать, чем произносить нечленораздельный текст, который вы должны отитровывать. Не титруйте свои русские тексты. Русский язык не должен титроваться. Если русский человек вас не понимает. Если русский человек вас не слышит. Если русский человек не способен воспринять то, что вы говорите, никакие титры вам не помогут. Девчонки! Ой, господи, старушки, сидите у себя

там на Риволи и на оставшиеся деньги покупайте свои чёрные шмотки и кокаин. Всего вам хорошего.

Про историю создания платформы «Консерватор»

Была такая газета «Консерватор», её выпускали в начале нулевых, а делали её совершенно разные люди, там было две команды. Сначала «Консерватор» делали вполне себе либеральные люди: от Татьяны Толстой до Дуни Смирновой. Потом в «Консерватор» пришли действительно консерваторы: от Мити Ольшанского до Егора Холмогорова и начали пытаться делать консервативную газету. Потом это всё, естественно, кануло в Лету, поскольку деньги кончились, а желание у инвестора улетучилась, ведь газета не приносит ни прибыли, ни славы.

Что такое «Консерватор», который делаем мы? Кто-то, кто ещё помнит ту самую платформу, которую мы делали на канале RT, знает, что наш слоган был «Вера, семья, справедливость». И вот эти консервативные ценности мы пытаемся донести до каждого из вас, для каждого из нас. Мы считаем, что эти консервативные ценности – истинно европейские ценности и поддерживают Европу на плаву. Как только от этих ценностей начинают отходить, Европа сразу летит в тартарары мы сейчас. Вы сейчас приезжаете в Париж, Лондон, Брюссель в ту самую Гаагу, которой грозят нам всем, и видите, что, наверное, это уже не та Европа, которую вы видели 30, 20, 10 лет назад. Это в общем, уже не Европа – это Вавилон, а мы хотим настоящую, христианскую, чистую, добрую, открытую и самостоятельную Европу. Мы хотим такую же Россию.

Какие у нас планы по развитию? Что тут говорить, мы, конечно, хотим стать лучшими, самыми главными, самыми большими, но тут все зависит не от нас, тут всё зависит от вас! Подписывайтесь на «Консерватор», говорите, что вы сами хотите там видеть. Пытайтесь сами участвовать в развитии этой платформы. Каждому из вас будет дана такая возможность. Мы пока ещё не понимаем как, но каждый читатель может стать писателем. Каждый участник может стать соучастником и наша задача создать не просто платформу, а целую коммуникационную площадку для развития, для обсуждения и для продвижения этих наших идей по созданию многонациональной, но, тем не менее, очень национальной России.

Вот сегодня у меня была в гостях одна гостья, которая привела прекрасный совершенно анекдот. Когда наши ребята сидели где-то на подвале у хохлов а и вошли наши ребята, чеченцы, и говорят: «Аллаху Акбар!». И русские ребята говорят: «Слава Богу, наши здесь!». Вот мы хотим, чтобы вот это всё наше было навсегда.

Какой идеологии вы придерживаетесь?

Я монархист. Я считаю, что в России должна быть монархия. Это никак не связано с Владимиром Владимировичем Путиным. Это никак не связано с Конституцией. Я, возможно, озвучиваю какую-то неправильную точку зрения, но я встану на колени только перед русским государем. Я бы хотел увидеть и дожить до времени, когда русский государь вернётся. Мне бы хотелось, чтобы это был честный, великий, новый человек, который откроет для России невероятное будущее, которое, как мне кажется, здесь, в России всегда связано с монархией.

Какой вид монархии вам ближе?

Я хочу конституционную монархию. Я хочу монархию европейского типа, которая будет символизировать, скрепляющей, показывающей ориентиры нации семье. Я прекрасно понимаю, что это довольно утопическая идея. Я прекрасно понимаю, что существует огромное количество версий по поводу того, как эту монархию сделать, получить ли какого-нибудь принца Гарри, который такой же Кобург-Гот, как Романовы. Или всё-таки, согласно условному закону о престолонаследии, подписанному Павлом I, это должен быть Георгий Романов. Я этого не знаю.

Но мне как человеку депрессивному и трогательному, монархия, конечно, гораздо ближе. Я не вижу себя никаким образом в государственной системе Российской Федерации, но в дворцовой системе я вижу себя прекрасно. В этом смысле это просто, возможно, моя личная, эгоистическая какая-то составляющая. Мне кажется, что монархия для России могла бы стать связующим звеном и вот этой скрепой, как сейчас принято говорить в России, между обществом и исполнительной властью, выбранной властью, между бывшими людьми из Советского Союза, между людьми из девяностых, между Европой и Азией. Как когда-то это сделал Франко в Испании.

С моей точки зрения Габсбурги в 70-80-ые годы в Испании сделали абсолютный, не эстетический и не этический, а прагматический прорыв в Европу. Когда вся Испания была морально уничтожена и вдруг появляется молодой Габсбург, который объединяет Испанию с Европой и напоминает всей Европе, что Испания и есть Европа. Мне бы хотелось, чтобы появился такой человек сейчас в России, который бы напомнил Европе, что Россия и есть Европа

Являетесь ли вы русским националистом?

Да, я русский националист. Я вне всякого сомнения, русский человек, хотя... Вот мы с Егором Холмогоровым давно знакомы, много раз спорили, много раз, и мы много раз обсуждали свои собственные гаплогруппы. У меня классическая европейская, гаплогруппа, а у Егора гаплогруппа как у всех русских князей, как у Рюриковичей и как у Гедиминовичей. А меня, например, как у всех

правителей западной Европы. Что такое русский национализм? Это ведь не нацизм.

Я просто хочу, чтобы в моей стране признали наконец существование русского народа. Чтобы в моей стране сказали, что русский народ – это основополагающий, государственно-образующий народ. Да, у нас есть куча народов. Мы империя: у нас есть якуты, у нас есть буряты, у нас есть чеченцы. Но тем народом, который объединил все эти народы, является народ русский. И как этнический поляк, хочу, чтобы это было признано. Я хочу, чтобы было сказано, что русский народ – это народ, основавший Россию, и я хочу, чтобы это было записано в Конституции.

Что может предложить Россия народам бывшего СССР, кроме нефти и газа?

Россия как любая империя может предложить народу только одно – культуру. У нас есть культура, которой нет ни у кого. Да, конечно, есть какие-то древние среднеазиатские культуры, связанные с Персией и фарси, есть Авиценна, есть Бухарские княжества. Но европейская культура – это культура любви, не уничтожения как это было, например, в британской империи, не поглощения, не ассимиляции, не приоритета ценностей, ненасильственной христианизации, а дружественного сожительства, – это вот то, что может предложить Россия и то что Россия всегда предлагала. Именно поэтому Россия была великой империей.

Именно поэтому Россия и сохранилась, как великая империя, несмотря на всё, что должно было произойти, чтобы это империи не было. Британская империя уничтожена, австро-венгерская империя уничтожена, немецкая империя уничтожена, а российская империя в реальности есть. Она существует, не теплится, она горит, она требует, она взывает к каждому человеку и показывает этому каждому человеку из этого мира те достоинства, которые есть.

Конечно, любой украинец понимает, что Пушкин – это не Шевченко, Ахматова, которая, между прочим, носила фамилию Горина, не какая-то Леся Украинка, потому что здесь великая культура и великая цивилизация. Потому что великая цивилизация бывает только в империи, и Украина была маленькой частью этой империи. И сейчас переделать это прошлое, доказать самим себе, что у нас есть какое-то самостоятельное, не имперское прошлое, не имперская культура не имперское сознание, невозможно.

Ведь, на самом деле, главные имперцы – это украинцы. Это они думают по-имперски. Это они думают об империи, а мы думаем о том, чтобы бесконечное множество народов, которые так или иначе зависят от нас с вами, жили в достатке и покое, и это главная задача русского, которая длится уже много, много веков.

Каким вы видите себя через год?

Я каждый день засыпаю с этой мыслью и каждый день просыпаюсь с этой мыслью. Я думаю, что вот будет и каким буду я. Вот мне уже никуда нельзя ездить. Я уже в Интерполе. Я просыпаюсь с плохим настроением и я думаю, у плохое настроение отчего? Оттого, что не смогу поехать в Италию? Нет, мое плохое настроение от того, что мы не взяли Бахмут. У меня плохое настроение, потому что я не понимаю, почему мы до сих пор не наступаем. У меня плохое настроение, потому что я не понимаю, почему такая огромная страна до сих пор не может действительно, по-настоящему, устроить мотострелковую операцию. Я был там много раз и ребята спрашивают: «Почему же нам не отдают приказ?». И у меня нет на это на этот вопрос ответа.

Для меня это самое главное и плохое настроение от этого, а не от того, что я не смогу поехать в Форте-деи-Марми и увидеть яхту Андрея Мельниченко. Именно от того, что я не понимаю, как ребятам помочь и что им сказать. Вот я приеду туда через неделю, и они опять меня спросят. Они же думают, что я всё знаю, как любой человек из Москвы, который в телевизоре, а я не знаю. И у меня нет ответа и я точно так же, как и ты, задаю вопрос: «А что делать дальше и что будет дальше?». Я верю в то, что через какое-то время мы победим! И я верю в то, что эта победа не будет пирровой победой, что мы сможем объединить вокруг себя большое количество людей, стран и ресурсов для того, чтобы снова стать по-настоящему великой страной. Более того, скажу, что я редко молюсь, но когда молюсь, молюсь за это.

Как быть с теми людьми, которые уехали?

Не знаю, не могу ответить на этот вопрос. Я думаю, что с каждым по-разному. У меня есть масса людей, которые, которые уехали и таких людей много. И есть люди, например, как Чулпан Хаматова, которая никогда не была мне подругой, но я знаю, сколько Чулпан сделала добра для страны, и я знаю как мало она сделала зла сейчас. И, если взвешивать вот это добро и зло, я бы конечно, хотел, чтобы Чулпан вернулась и продолжала заниматься тем, чем она занималась: играть в театре и помогать детям, больным лейкемией.

А есть люди, которые ничего не сделали для этой страны, но высрали на эту страну столько, что просто страна уже содрогается. И вот таких людей я обратно видеть не хочу. Я бы хотел, чтобы они горели в аду, чтобы они остались там навсегда, и мучались и голодали и страдали и плакали, глядя на карту великой России, и чтобы они понимали, что никогда Россия их не примет. Но это не по-божески.

Всё равно должен наступить какой-то момент, когда Россия должна простить, как простила она когда-то сосланных в Иркутск и в Нерчинск декабристов. Да с лишением титулов, но с прощением. Я точно знаю, что каждый человек,

который является моим другом и который попросит моей помощи, её получит, независимо от того, какую политическую позицию он сейчас имеет. Для меня с каждым днём понятие Родины и понятие ценностей этой Родины становятся более важным, чем понятие дружбы. Я сейчас чувствую, что я с этой властью. Моя личная задача, каким бы маленьким я не был и какой бы мизерный вклад в это я мог бы вложить, чтобы сохранить эту государственность и эту государственную систему. Я буду делать всё, чтобы это государство сохранилось!

Мы всегда рады ответить на ваши вопросы и предоставить дополнительные материалы в формате 24/7.

Контакты пресс-службы «Консерватора»:

Олег Трофимов trofimov@antonyms.tv